

12. Колядко И. Н. О взаимосвязи исполнительного производства и судебного производства, связанного с исполнением судебных постановлений, иных решений и актов // Законодательство и правоприменение в контексте приоритетов социально-экономического развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 сент. 2019 г. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: С. К. Лещенко (отв. ред.) и др. Минск, 2019. С. 297–300.

13. Скобелев В. П. Законная сила постановлений суда первой инстанции в гражданском процессе. Минск : БГУ, 2018.

14. Колядко И. Н. О некоторых проблемах системы Кодекса гражданского судопроизводства // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. Гродно, 2021. Вып. 6. С. 302–309.

15. Колядко И. Н. Апелляционный пересмотр судебных решений в Республике Беларусь: перспективы развития // Право Беларуси. 2004. № 19. С. 65–68.

16. Волос О. О. История формирования институтов обжалования не вступивших в законную силу судебных постановлений в гражданском судопроизводстве // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2010. Вып. 21. С. 133–148.

17. Борисова Е. А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА М, 2016.

18. Борисова Е. А. Кассация по гражданским делам. М. : Городец, 2020.

19. Колядко И. Н. О взаимосвязях правил проверки и пересмотра судебных постановлений в судопроизводстве по гражданским и экономическим делам // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение : сб. науч. тр. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: С. К. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2021. Вып. 2. С. 338–344.

Короткевич М. П.

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СЕМЕЙНОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ**

Белорусский государственный университет,

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, MKorotkevich@mail.ru

Ребенок является самостоятельным субъектом семейного права, однако в связи с его физической и умственной незрелостью, не обладает полной семейной правоспособностью и дееспособностью, нуждается в особой заботе со стороны своих родителей. В то же время при разрешении вопросов, затрагивающих его семейные права и законные интересы, законодатель подходит гибко, определяя для отдельных случаев необходимость учета его мнения (желания), а в ряде случаев – наличия его согласия. Такой подход

теория семейного права определяет как изменение объема семейной дееспособности несовершеннолетнего в зависимости от его возраста.

Обязательность учета мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, закреплено в ряде статей Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС): в ст. 74 (обязателен учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, при определении его места жительства при раздельном проживании его родителей, за исключением случаев, когда это противоречит интересам ребенка); в ст. 84 КоБС (обязателен учет мнения ребенка, не достигшего десяти лет, при решении вопроса о восстановлении в родительских правах его родителей); в ст. 152 КоБС (при выборе опекуна или попечителя должны быть приняты во внимание желание ребенка, достигшего десяти лет); в ст. 158 КоБС (закрепляется право опекунов, попечителей ребенка самостоятельно определять способы воспитания, но с учетом мнения ребенка и рекомендаций органа опеки и попечительства); в ст. 173, 176 КоБС (передача детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, не достигших десяти лет, в приемную семью, детский дом семейного типа, на патронатное воспитание осуществляется с учетом их желания).

В ряде случаев КоБС закрепляет обязательность наличия согласия ребенка: при изменении собственного имени ребенка, достигшего шести лет, необходимо его согласие (ст. 71 КоБС); при изменении фамилии ребенка, достигшего десяти лет, должно быть получено его согласие (ст. 70 КоБС); при восстановлении в родительских правах в отношении ребенка, достигшего возраста десяти лет, необходимо его согласие (ст. 84 КоБС); за некоторыми исключениями по общему правилу для усыновления (удочерения) ребенка, достигшего десяти лет, необходимо его согласие (ст. 130 КоБС); изменение фамилии, собственного имени и отчества усыновленного (удочеренного) ребенка, достигшего десяти лет, возможно только с его согласия (ст. 132 КоБС); для внесения сведений об усыновителях (удочерителях) в запись акта о рождении в качестве родителей усыновленного (удочеренного) ими ребенка, достигшего возраста десяти лет, необходимо согласие этого ребенка (ст. 133 КоБС); ребенок, достигший десяти лет, может быть передан в приемную семью, детский дом семейного типа, на патронатное воспитание только с его согласия (ст. 173, 176 КоБС).

Согласие ребенка, в отличие от мнения ребенка, по природе представляет собой одностороннее волеизъявление субъекта семейного права по конкретному вопросу, обозначенному нормой КоБС, и направлено на возникновение или изменение правоотношений, а в некоторых случаях и восстановление. Поэтому если нормой КоБС закреплено требование о необходимости наличия согласия ребенка по вопросу, то решение правоприменительными органами может быть принято только в соответствии с волеизъявлением ребенка.

После изменений и дополнений, внесенных в КоБС Законом Республики Беларусь от 18.12.2019, объем семейной дееспособности несовершеннолетнего отличается в отношении сходных по значимости вопросов: восстановления в родительских правах и лишения родительских прав. Согласно ч. 2 ст. 84

КоБС для восстановления в родительских правах в отношении ребенка, достигшего возраста десяти лет, необходимо его согласие (ч. 2 ст. 84 КоБС). При рассмотрении дел о лишении родительских прав КоБС не обязывает суд учитывать мнение или получать согласие ребенка (ст. 80 КоБС). Учитывая, что КоБС не содержит и общей нормы, закрепляющей право ребенка быть заслушанным при рассмотрении любого семейно-правового спора, затрагивающего его интересы, можно сделать вывод, что суд при рассмотрении дела о лишении родительских прав не должен выявлять мнение ребенка, учитывать наличие или отсутствие согласия ребенка на лишение его родителей родительских прав. Однако такой вывод следует только из анализа норм КоБС. Нормы гражданского процессуального права закрепляют иной подход (в отношении ребенка, достигшего 14 лет).

Исходя из положений ст. 59 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) объем гражданской процессуальной дееспособности несовершеннолетнего зависит от его возраста. В ч. 4 ст. 59 ГПК определено, что граждане в возрасте до 14 лет процессуальной дееспособностью не обладают, их права и охраняемые законом интересы в судах защищают их законные представители (родители, усыновители, опекуны). Как следует из доктрины гражданского процессуального права, такие лица лично в рассмотрении дел не участвуют [1, с. 83]. В случаях, когда исходя из положений КоБС при рассмотрении судом некоторых семейно-правовых споров должно быть выяснено мнение или получено согласие ребенка, на практике, как отмечается в научной литературе, вызывает сложность определение процессуального положения ребенка при рассмотрении судом споров, вытекающих из родительских отношений и усыновления (удочерения) [2, с. 290]. Особенно актуальна эта проблема для споров, возникающих между родителями (спор об определении места жительства ребенка, другие споры, связанные с воспитанием ребенка). В частности, малолетние могут привлекаться к рассмотрению дела в случаях, когда согласно КоБС необходимо выяснить их мнение по рассматриваемому спору или получить согласие. Учеными предлагается определять правовое положение несовершеннолетнего как непосредственно заинтересованного в исходе дела лица [2, с. 291].

Однако, когда ребенок достигает 14 лет, объем его процессуальной дееспособности, согласно ГПК, меняется и существенно. По-прежнему права и охраняемые законом интересы такого ребенка защищаются в суде его родителями, усыновителями или попечителями. Однако суд уже обязан привлекать к участию в делах несовершеннолетних, за исключением случаев, когда привлечение несовершеннолетнего к участию в деле противоречит его интересам (ч. 2 ст. 59 ГПК).

Кроме того, после изменений, внесённых Законом Республики Беларусь от 04.01.2012, ГПК прямо предусматривает право несовершеннолетних, достигших четырнадцати лет, лично обратиться в суд с заявлением о защите своих прав и охраняемых законом интересов и пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде без согласия

родителей, усыновителей, попечителей (ч. 3 ст. 59 ГПК). Действующая норма ст. 59 ГПК не конкретизирует категорию споров, не устанавливает отсылку к другим законодательным актам, предоставляющим ребенку такое право. Вопрос о привлечении к участию в таких делах родителей, усыновителей или попечителей несовершеннолетних для оказания им помощи решается судом. Такое изменение в законодательстве в доктрине гражданского процесса было подвергнуто критике [2, с. 288].

Таким образом, согласно ГПК, ребенок, достигший 14 лет, может привлекаться к участию в рассмотрении в том числе семейно-правовых споров, затрагивающих его права и охраняемые законом интересы, либо вообще выступать инициатором гражданского судопроизводства. И первый и второй вариант предполагает наделение ребенка определенными правами как участника судопроизводства (ст. 61 ГПК).

Следовательно, если КоБС по делам о лишении родительских прав прямо не закрепляет обязанности суда выявить мнение ребенка либо получить согласие ребенка, достигшего 10 лет, то ГПК закрепляет совершенно иной подход в отношении ребенка, достигшего 14 лет. С одной стороны, частичная гражданская процессуальная дееспособность несовершеннолетнего, достигшего 14 лет, предоставляющая ему право быть инициатором гражданского судопроизводства, согласуется с положениями ст. 11, ч. 3 ст. 13 Закона Республики Беларусь от 19.11.1993 (в редакции Закона от 25.10.2000) «О правах ребенка». С другой стороны, на чашу весов с частичной гражданской процессуальной дееспособностью, несовершеннолетнего, достигшего 14 лет, позволяющей ему самостоятельно инициировать гражданское судопроизводство, где ответчиком выступает один или оба его родителя, могут быть положены исторически обусловленные особенности регулирования семейных отношений, семейные ценности, традиции и обычаи, присущие именно народу Республики Беларусь. Антипедагогичность схемы «ребенок-истец, ответчик – его мать (отец)» в своих работах отмечает и А. М. Нечаева [3]. Следует согласиться с такой критикой относительно ситуаций, когда ребенок выступает единоличным инициатором гражданского судопроизводства. Одной из задач законодательства о браке и семье остается «укрепление семьи в Республике Беларусь как естественной и основной ячейки общества на принципах общечеловеческой морали, недопущение ослабления и разрушения семейных связей» (ст. 1 КоБС). Поэтому все нормативные правовые акты, затрагивающие права детей, должны учитывать эту важнейшую задачу законодательства о браке и семье.

Как отмечается в доктрине гражданского процессуального права, гражданская процессуальная дееспособность «тесно связана с материальной, однако не совпадает с ней и регулируется специально. При этом последствия признания гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным распространяются и на процессуальную дееспособность» [1, с. 83]. По нашему мнению, при определении гражданской процессуальной

дееспособности следует в большей степени учитывать объем дееспособности субъекта, определяемой нормами материального права и, в частности, КоБС.

В настоящее время нормами КоБС закрепляются перечни уполномоченных на подачу иска субъектов по отдельным семейно-правовым спорам, реализация которых на практике нивелируется положениями ГПК, предоставляющими право предъявлять требования для защиты прав и охраняемых законом интересов более широкому кругу субъектов (ст. 59, ст. 80, ст. 85 ГПК и другие). Полагаем, нормы ГПК следовало бы согласовать с предлагаемыми в ряде статей КоБС исчерпывающими перечнями лиц, имеющими право выступать инициаторами рассмотрения отдельных семейно-правовых споров.

Наиболее дискуссионным видится соотношение с ГПК следующих положений КоБС.

В первую очередь отметим ч. 1 ст. 81 КоБС, в которой закреплён закрытый перечень субъектов, имеющих право предъявлять иск о лишении родительских прав. Исходя из ч. 3 ст. 59 ГПК 14-летние несовершеннолетние вправе по собственной инициативе предъявить иск о лишении родителей родительских прав (следует признать, что и КоБС непоследовательно подходит к данному вопросу (ч. 1 ст. 81, ст. 66-1)).

Также, согласно ч. 3 ст. 34 КоБС судом может быть расторгнут брак только по заявлению одного из супругов. В тоже время, согласно ст. 74 ГПК, исковое заявление о расторжении брака недееспособным подопечным может быть подано его опекуном.

Кроме того, правило о недопустимости расторжения брака, предусмотренное ст. 35 КоБС, следовало бы отразить в ст. 245 и ст. 246 ГПК среди одного из оснований для отказа судом в возбуждении искового производства *(в настоящее время, согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 июня 2000 г. № 5 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», недопустимость расторжения брака по основаниям, установленным ст. 35 КоБС, не препятствует обращению мужа в суд и возбуждению дела о расторжении брака)*.

С другой стороны, в КоБС также следует учитывать процессуальные аспекты рассмотрения судами дел.

Например, дела о расторжении брака между супругами, имеющими общих несовершеннолетних детей, но не имеющих спора о расторжении брака и о детях, не должны рассматриваться по правилам искового производства (ч. 1 ст. 36 КоБС). Как отмечается в доктрине, иск – «это обращенное к суду, а через суд – и к ответчику, требование заинтересованного лица о защите нарушенного или оспоренного субъективного права или охраняемого законом интереса, направленное на рассмотрение и разрешение судом спора о праве и постановление законного и обоснованного решения» [1, с. 257]. В случае если имеется взаимное согласие супругов на расторжение брака, отсутствует спор о воспитании и

содержании детей, рассмотрение такого дела в порядке искового производства противоречит его природе.

Следует констатировать, что в некоторых случаях подходы, изложенные в КоБС, соответствуют ГПК. Так, КоБС предоставляет право суду при рассмотрении некоторых семейно-правовых споров разрешать требования, которые не заявлялись инициаторами процесса (например, ч. 4 и ч. 5 ст. 36, ч. 4 ст. 80, ч. 5 ст. 140 КоБС и некоторые другие). Такой подход согласуется, в частности, с положениями ст. 273 ГПК.

Специфика рассмотрения семейно-правовых споров отражена в ряде постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь (например, постановление Пленума от 30.09.2004 № 11 «О практике рассмотрения судами споров, связанных с воспитанием детей», постановление Пленума от 20.12.1991 № 12 «О практике применения судами Республики Беларусь законодательства при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов на детей», постановление Пленума от 22.06.2000 № 5 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» и др.). Однако несмотря на это, с учетом всего вышеуказанного, актуальность сохраняют предложения ученых о целесообразности выделения из классического искового производства семейных дел, затрагивающих права и законные интересы детей [4, с. 274]. Полагаем, такой подход при детальном анализе норм КоБС и ГПК следует распространить на все споры, затрагивающие семейные права и охраняемые интересы.

Таким образом, право на самостоятельную судебную защиту, предоставляемое ребенку, достигшему 14 лет, процессуальным законодательством, не соответствует объему семейной дееспособности ребенка, изменяющейся в зависимости от его возраста. Считаем, что семейноведам нельзя безропотно соглашаться с таким подходом гражданского процессуального законодательства, устанавливающим вторичный характер семейной дееспособности ребенка относительно гражданской процессуальной дееспособности. Гражданское процессуальное и семейное законодательство нуждается в совершенствовании с целью выработки единого понимания порядка и особенностей рассмотрения семейно-правовых споров, в том числе затрагивающих права и законные интересы несовершеннолетних детей. В частности, гражданское процессуальное законодательство должно в большей степени учитывать особенности материально-правовой составляющей регулирования семейных отношений, в том числе при определении правил рассмотрения семейно-правовых споров. Также в ГПК следовало бы определить процессуальное положение ребенка, привлекаемого к рассмотрению дел, затрагивающих его права и законные интересы, по спорам, возникающим между другими субъектами семейного права (в частности, его родителями). КоБС в целях реализации нормы п. 2 ст. 12 Конвенции ООН о правах ребенка следует дополнить статьей, закрепляющей право ребенка выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также

быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства [5].

Библиографические ссылки

1. Гражданский процесс. Общая часть / Т. А. Белова [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. 3-е изд., перераб. и доп. Минск : Изд. центр БГУ, 2020.
2. Теоретические и практические аспекты юстиции в отношении несовершеннолетних / С. М. Ананич [и др.] ; под ред. В. Н. Годунова, Л. Л. Зайцевой, С. К. Лещенко. Минск : РИВШ, 2021.
3. Нечаева А. М. Защита семейных прав ребенка и охрана его детства // Государство и право. 2018. № 7. С. 91–98 [Электронный ресурс]. URL: <http://gospravo-journal.ru/s013207690000225-9-1/> (дата обращения: 02.07.2020).
4. Тарусина Н. Н. Ребенок: о семейно-правовых предпосылках гражданско-процессуальной фигуры // Семейное право на рубеже XX–XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. О. Н. Низамиева. М. : Статут, 2011. С. 271–275.
5. Короткевич М. П. Защита прав и обеспечение интересов детей в семейном праве Республики Беларусь // Юстыцыя Беларусі. 2015. № 1. С. 25–30.

Липская С. А.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ СУДЬИ-РОБОТА В ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lipskaja@mail.ru*

Ускорение темпов развития искусственного интеллекта (ИИ) и его внедрения в сферы общественных отношений в последние несколько лет не могли не затронуть юридическую деятельность.

Применение информационных технологий позволяет осуществлять раскрытие преступлений, определение достоверности свидетельских показаний в судебном процессе, иных источников доказательств. Разработка программного обеспечения позволяет распознать аргументы в установлении фактов по делу (в настоящее время разрабатываются технологии по обнаружению предубеждений, слабых доказательств, в некоторых странах формируются большие массивы показаний, позволяющие анализировать информацию).

Очевидные перспективы открываются в производстве по гражданским, уголовным и административным делам, расширении возможностей применения не только слабого, направленного на решение узконаправленных задач, но и сильного ИИ.